

О. В. Мартышин¹

ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

До сравнительно недавнего времени секуляризация рассматривалась как объективный исторический процесс. Суть его, по удачному определению Бр. Р. Вилсона, состоит в «постепенном вытеснении представлений о сверхъестественном из всех социальных институтов, кроме тех, которые специально посвящены насаждению знаний о постулируемом сверхъестественном порядке и поддержанию отношений с ним»².

Процесс этот длительный и неравномерный. Причины и формы его многообразны. Секуляризация возникла на Западе, но с экспансией западной цивилизации приобрела глобальный характер. Ныне трудно найти уголок земного шара, куда бы это явление не проникло.

Примерно два десятилетия назад возникла концепция десекуляризации и постсекулярного общества³. Ее инициаторами выступили признанные религиоведы — почетный профессор Бостонского университета П. Бергер (под его редакцией в 1999 г. вышла книга «Десекуляризация мира»⁴) и Бр. Тернер (Австралия). Оба ранее считали секуляризацию глобальной тенденцией. Термин «постсекулярное общество» связывают с именем известного философа Ю. Хабермаса⁵.

Концепция десекуляризации рассматривается как отклик на возросшую роль религии в современном мире. Сторонники идеи десекуляризации не отождествляют это явление с восстановлением прежнего статуса традиционных религий. Современность, по их мнению, характеризуется религиозным плюрализмом, появлением множества новых религиозных движений, нередко в форме потребительских культов здоровья и благополучия, отвергаемых религиозным фундаментализмом. Важно отметить, что они не являются противниками секуляризации и не призывают от нее отказаться. Они всего лишь исходят из того, что религия по-прежнему жива и оказывает серьезное влияние на общественную жизнь, что религиозные взгляды и практика заслуживают уважения и равноправия, что атеизм не следует возводить в ранг государственной идеологии. Цель авторов концепции — не десекуляризация, а плюрализм мнений и организаций, преодоление нетерпимости, дискриминации, взаимоуважение, диалог между представителями разных убеждений, сохранение всех исторических завоеваний светского государства.

Основные тезисы теории десекуляризации не вызывают возражений. В самом деле, религия не только не исчезла, но в ряде случаев наращивает свое влияние. Не менее очевидно, что секуляризация возникла и в наибольшей мере преобразовала жизнь на Западе, а не на Востоке, что у народов Востока и Юга секуляризация коснулась лишь вестернизированной элиты, а подавляющее большинство населения сохранило традиционный жизненный уклад, что в ряде стран в наши дни с разной степенью активности и последовательности развиваются процессы десекуляризации. Но эти верные по существу, хотя и лишенные оригинальности и новизны положения сопрягаются с некоторой односторонностью, которая получила яркое воплощение в названии концепции и стала независимо от воли создателей ее фирменным знаком.

Явления, к которым привлекают внимание П. Бергер, Б. Тернер, Ю. Хабермас и другие, вполне укладываются в представления о борьбе двух тенденций — секуляризации и десекуляризации, которые сопутствуют человечеству с момента возникновения первых сомнений в безусловности религиозной картины мира. Между тем парадоксальное название теории и термин «постсекулярное общество» наводят на мысль, будто эпоха секуляризации завершилась. А ведь именно это внушают религиозные ортодоксы и все противники светского государства.

Такая интерпретация концепции десекуляризации характерна и для некоторых наших соотечественников. Редакция журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», издаваемого Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, характеризует «постсекулярный контекст как ситуацию возвращения религии в политику, экономику, культуру, публичное пространство, которое, в свою очередь, накладывается на реальность, сложившуюся в результате масштабных процессов десекуляризации»⁶. В отличие от вышеназванных теоретиков, здесь десекуляризация понимается в буквальном смысле слова как отказ от секуляризма, ставшего якобы всецело достоянием истории, как наступление принципиально нового этапа развития человечества.

В этом новом контексте предлагается рассматривать и проблему светского государства. Ее традиционное понимание некоторым представляется устаревшим, относящимся к эпохе секуляризации. Вопрос становится политически острым. Депутат Государственной Думы от фракции КПРФ, глава Комитета по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений С. Гаврилов считает, что понятие светского государства нуждается в толковании Конституционного Суда РФ, так как отсутствие ясности «дает повод для антицерковных, антипатриотичных выступлений»⁷. Не ожидают ли от Конституцион-

¹ Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия права», «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др. Член редколлегии журнала «Государство и право».

² *Wilson Br. P. Secularization // The Encyclopedia of Religion. N. Y. ; L., 1987. Vol. 13. P. 159.*

³ Этой теме посвящен выпуск журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» (М., 2012. № 2).

⁴ *Berger P. U. The Desecularization of the World. Michigan, 1999.*

⁵ *Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 21.*

⁶ Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 5.

⁷ НГ — Религии. 2017. 2 авг. С. 14.

ного Суда интерпретации, выхолащивающей содержание неновой и, казалось бы, понятной категории?

Своеобразный вариант размывания, а по существу, отрицания рассматриваемой категории представил И. В. Понкин. Он полагает, что «государство вправе самостоятельно выбирать модель светскости, на основе которой выстраиваются отношения с религиозными объединениями»¹. К этому бесспорному тезису следовало бы добавить только то, что государство, как носитель суверенитета, вправе отказаться от «модели светскости». Эту возможность И. В. Понкин как будто игнорирует. По его типологии практически все современные государства, за исключением Ватикана и, как это ни странно, США, относимых им к «авторитарно-идеократическому типу» не светского государства², являются светскими. При такой типологии Исламская Республика Иран или Королевство Саудовская Аравия оказываются светскими государствами «контаминационного», то есть смешанного, типа³.

Государственно-конфессиональные отношения в современном мире многообразны и не поддаются безусловному делению на светские и не светские. Между двумя полюсами существует обширная промежуточная зона, и подавляющее большинство государств пребывает именно в ней, тяготея к тому или иному полюсу. Ясности концепции светского государства не способствуют превратное толкование десекуляризации и постсекулярного общества, попытки вытеснить складывавшиеся с конца XVIII века представления о светском государстве «светскостью понимающей», «светскостью конструктивной», основанной на «реализации государством расширенного сотрудничества с религиозными объединениями традиционных религий»⁴.

В качестве принципов «конструктивной светскости» выдвигаются следующие положения:

1) полностью внерелигиозное государство невозможно, «попытки создать такое государство превращают его в антирелигиозное недемократическое государство»⁵;

2) «конституционная норма о юридическом равенстве религиозных объединений перед законом не означает требования абсолютного юридического (?) ... равенства всех религиозных объединений между собой во всем, и прежде всего в отношениях с государством»⁶;

3) требование внерелигиозности государственного и муниципального образования «равнозначно требованию внекультурности и внациональности образования» и представляет собой либо утопию, либо «сознательную дискриминацию и нарушение прав граждан по признаку отношения к религии»⁷;

4) «государство должно всемерно ограничивать право на атеистические убеждения», если атеизм рассматривается как «возможность ничем не ограниченной (?) критики религии, религиозных убеждений и верующих»⁸.

От такого рода «конструктивной» или «понимающей» светскости следует защищать общепринятую, сложившуюся в «эпоху секуляризма» концепцию светского государства, в основе которой лежат три основных принципа: отделение церкви от государства, свобода совести и равенство религиозных убеждений и организаций перед законом. Когда эти требования не соблюдаются, речь идет не о выборе «модели светскости», а о нарушении одного из важнейших положений конституционного права.

¹ Понкин И. В. Современное светское государство. Конституционно-правовое исследование. М., 2006. С. 50.

² Там же. С. 248–249.

³ Там же. С. 252–254.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же. С. 160.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Там же. С. 65.